

Владимир Липатов

Дорога к дому

А город назывался Светлый и было время сплошного дефицита и личного безденежья. Казалось, что этот ремонт не закончится никогда. Две недели назад мы ошвартовались в судоремонтном заводе и сразу налетела куча работяг. Они в три дня учинили на пароходе полную разруху – сломали все, что можно было сломать, и сгнули. Главный строитель успокаивает: все идет по плану, через три месяца выйдете из ремонта. А здесь работы на полгода не разгибаясь. Три тысячи тонн промерзшего железа, ни помыть, ни поесть, ни выспаться.

Днем я шастаю по палубам, сметая метлой редкий снег, а вечером в каюте включаю все одиннадцать имеющихся на борту утюгов, ставлю их рядком вдоль койки и замираю. И каждое утро ровно в восемь этот юный садист на палубе начинает бомбить кувалдой прямо по ушам. Бомм-бомм-подъем! – ухает рядом и эхом отзывается в пустом брюхе парохода. Я сваливаю с себя семь тяжелых и жестких, как листы железа, одеял и, сбивая утюги ногами, выползаю из постели. Выхожу на палубу и нависаю над маленьким человечком, почти мальчиком, с кувалдой в руках. Он одет в негнущуюся брезентовую робу, перед ним объект труда – помятая кница фальшборта толщиной в десять миллиметров.

– Как тебя зовут?

– Вася. – Он шмыгает носом.

– Я не понимаю, Вася... Вторую неделю ты исправно долбишь кувалдой это железо и ни на миллиметр не выправил. В чем смысл, Вася, можешь объяснить? Ты думаешь, что сгнутой кницей пароход не поплывет?

Вася распахивает на меня наивные детские глаза, сдвигает на затылок строительную шнурованную шапку и грязной рукой вытирает потный лоб.

– Здравствуйте! Так бригадир задание дал. Сказал, проверит.

– Вася, я терпелив и специально перебрался от тебя на другой борт, в другую каюту, а ты опять здесь. Ты в детстве котов не мучил?

Совсем смутил парнишку.

– Не мучил. Мне бригадир показывает, где бить. Говорит, «имитируй».

– Ага! Это, наверное, чтобы постоянно бодрить меня... И где я могу найти этого ммм... бригадира?

– У них аврал на дальнем причале, там траулер срочно должен выходить из ремонта, а ничего не сделано.

Тонкая шеюшка торчит из заскорузлого воротника, взгляд доверчивый.

– Ты женат, Вася?

Он пунцовеет лицом, конфузится, как невеста:

– Мне семнадцать, я после ПТУ...

– Василек, ты очень трудолюбив, я скажу бригадиру. А сейчас пойдем на бак, там есть что разгибать, и мне твой набат не будет слышен.

Мы идем к новому месту работы.

– Ты бей пореже, отдыхай почаще, и все будет в порядке! Если вьюга или дождь, вот здесь каморочка есть. Приходи в кают-компанию погреться, чайку попить.

В его возрасте пятнадцать лет назад я был таким же лопухом.

Сегодняшний день в череде однообразных и унылых – последний. Пять месяцев бездомности, и вот я в ожидании дороги – дороги домой. После обеда придет смена и... Меня так достал этот провонявший рыбой мертвый пароход, его пустые коридоры и неопрятные распахнутые каюты, что, кажется, ушел бы пешком и без замены. Здесь время будто остановилось.

Я вернулся в каюту, помотался в малом пространстве, открыл-закрыл тощий походный портфель и прямо в фуфайке и кирзачах прилег на диванчик, в который раз зримо прикидывая маршрут: Светлый – Калининград – это час автобусом. Калининград – Ленинград: в двадцать часов выеду, в четыре тридцать буду в Луге. Автобус из Луги на Новгород – в семь тридцать. В пол-одиннадцатого буду дома. Лежал, прислушивался, не застучат ли в коридоре шаги приехавшей смены и, наверное, от волнения уснул. И снились мне, как в сказке, три испытания на моем пути к дому. Жаль, что не успел запомнить, какие.

– Па-лыч, вста-вай!

В дверях стояла слегка помятая замена – старпом Притуло. Из девяноста человек команды на обеспечение ремонта оставили пять. Пять человек приезжают – пять уезжают. Их пятерка – из Риги, и, видно, ночью в поезде они неплохо посидели.

Я слетел с дивана.

– Ну наконец-то! В конторе был? Деньги получили, привез?!

Месяц назад мы пришли с провального промысла к берегам Сьерра-Леоне, и контора никак не может рассчитаться с нами. Там денег за четыре месяца наберется шестьсот рублей минус четыреста – аттестат домой. По две сотни им не наскрести!

– Обещали на следующей неделе.

– Бляха... На берегу почти месяц!

Притуло присел, сделал скорбное лицо и ладонью потер в области сердца.

– Мотор что-то... Червонец не одолжишь?

Прокуренный баритон, граненый голый череп. По речи – мягкий интеллигент. Он с удовольствием берет, но никогда не дает в долг и, на твоих глазах засовывая в карман пачку казначейских билетов, на просьбу одолжить неизменно отвечает:

– Нет денег!

У меня в кошельке хранится заветная десятка на дорогу – золотой запас, но я готов поделиться только знанием.

– В каюте доктора есть таблетки.

– Понятно. – Притуло пригоршнями пригладил несуществующие волосы, взял со столика тонкую пачку целлофановых пакетов, повертел в руках. – Сейчас что-нибудь придумаем. Полтрюма пакетов валяется, можно продать. Чувствую, мы неплохо проживем эти две недели до вашего возвращения.

– Да делай, что хочешь, технолог уже все списал, а я на завтра заказал грузовик для вывоза целлофана в мусор.

Притулу как током ударило:

– Сидели тут, щелкали зубами от голода, а мозгов нет правильно распорядиться? Завтра машину загружу другим мусором, а этот пустим в коммерцию. – Он мечтательно зажмурился.

Я бросил ему на колени пачку талонов на питание, выдернул из рук пакеты и машинально сунул в портфель. Мелькнула мысль: «Не делай этого!» – и пропала.

Прогромыхав каблуками по длинному трапу, я бегом припустил к заводской проходной. На входе, с плаката «Несунам – бой!» строго смотрел мне в глаза мужественный молодой человек. Ладонью левой руки он упирался в мою грудь, а правой накрывал какое-то ничтожество. Из-под карающей длани выглядывали лишь высокий картуз, вороватые глаза и короткие штаны. Под мышкой у «несуна» торчал огромный болт, вероятно, предназначенный к унесению.

Я поздоровался с милой девушкой в черной униформе с кокетливым беретиком на голове и протянул пропуск. Мы обменялись взглядами – открытыми, добрыми, но серьезными. Редкий случай: она внимательно рассматривала мое лицо и сличала с фотографией. Как учили.

– Петр Фомич, что-то не сходится. На фото... – Она прыснула. – ...голова грушей, и нос сливой, а у него все топором и фамилия смешная – Козолуп.

Привычно сработала защита от мелких пакостей. Я, с достоинством склонив голову, поправил:

– Козолупов! В метриках при рождении напутали, теперь страдаю по жизни.

Эти козолупы и пидпузьки косяками слетались к нам за длинным рублем, но быстро исчезали. То ли рубль был коротким, то ли работа – тяжелой. Я давно потерял свой пропуск и до сей поры спокойно пользовался этим вот, - «козолуповым».

За стеклянной перегородкой пил чай потный раскрасневшийся дедок. Он не спеша поставил блюдечко на стол, зачем-то заглянул в заварочный чайник, промокнул плешь вафельным полотенцем и обратил взор на меня.

– Здравствуйте, товарищ начальник! – гаркнул я и осекся.

Его морщинистые лысина и лоб были бы вполне патриаршими, но выпирающая колодкой вставная челюсть с косо вмурованными зубами и крашенные усы, щеткой торчавшие от уха до уха, вводили клиента в ступор. В этой пасти зубам было явно тесно. Дед вдруг ловко, как конь, прынул волосатыми ушами, и круглые очки с его лба упали на нос. Сквозь линзы, толстые, как стекла пивных бутылок, он заелозил по моему лицу огромными зрачками. Кажется, я рано расслабился. К счастью, девушка продолжила свою часть работы:

– Ваше имя-отчество?

Понеслось! Я с трудом оторвал взгляд от жуткого старика и, стараясь прийти в себя, уже завязывал шнурки на ботинках. Как же его звали?.. Черт знает... Нечипор? Опанас? Может, Гаврила? И вообще кто он был такой?

– Кхм... После рейса... маленько того... запомнил...

Девчонка клюнула, не выдержав паузы:

– Козолуп Петро Бенедиктович?

Я выпрямился.

– Точно так! На пароходе Бенедиктинычем зовут.

Старый хрен очнулся:

– Ира! Ты сравнивай фото и фактуру: лоб-лоб, глаза-глаза... Обрез ушей смотри. Шо-то мне он не нравится.

– Петр Фомич, на фото лицо круглое и глаза разнесены к вискам, а здесь...

Я окарачил на нее глаза, потом свел к переносице:

– Схудал трошки в рейсе. Звыняйте! – И, кажется, удачно вошел в образ, таких идиотов здесь еще не хаживало.

Деду даже понравилось:

– Он! – последовал вердикт, и у меня отлегло.

– А что в портфеле?

Меня прокололо. Девушка, размазывая по щекам тушь и слезы, открыла портфель.

– Ой, не могу! Что у вас там?

– Предметы личной гигиены, и грязного нижнего белья навалом – дома постираю.

– А это?! – Она вытащила пачку пакетов.

Меня повело.

– Трусы... целлофановые... иногда тошнит...

Рассматривая пакет, она пыталась угадать в нем профиль семейных трусов.

– Где?

– Что где?

– Трусы!

– Какие трусы?!

Хрыч не выдержал первым и вскипел:

– Ира! Составь акт, изыми вещдоки и гони этого клоуна взащей, он до ночи будет нас изводить! Ходят тут бя... больные.

Акт составили быстро, я во всем признался и все подписал. Дед напоследок пообещал отправить его в контору, а меня «засудить товарищеским судом».

– Пакеда!

И я рванул на автобус.

С червонцем в кармане на плацкарту не замахиваются. Последний тринадцатый вагон без света, тепла и проводницы был предназначен персонально мне. Он казался необитаемым. Медленно пробираясь по проходу, я на слух пытался определить свободную нишу и в самом конце вагона в изнеможении опустился на лавку. Закрыл глаза. Поезд тронулся.

Теперь ехать... Это последнее испытание или все еще впереди?

Короткая куртка не по сезону, летние ботинки, кепка. Уходили в рейс в начале лета, а вернулись в середине ноября.

*Колеса диктуют вагонные,
Где срочно увидеться нам.
Мои номера телефонные
Разбросаны по городам.
Забьется сердце, сердце волнуется,
Почтовый пакуется груз...
Мой адрес – не дом и не улица,
Мой адрес – Советский Союз!
Мой адрес – не дом и не улица,
Мой адрес – Советский Союз!*

Хорошие у нас песни и люди хорошие.

Мы мчались на восток – в зиму. Яркими сполохами пролетали мимо станции и полустанки, глаза успевали ухватить в проеме окна лишь снежные вихри да зыбко видимые станционные постройки. Бешеный стук колес, скрипы, всхлипы, хлопанье разболтанных дверей... Мой последний вагон мотало так, что казалось: я лечу в этой капсуле в какой-то неведомый и непременно страшный мир.

Прилег, свернулся калачиком, пытаюсь сохранить тающее тепло тела и задремал. Не знаю, сколько прошло времени, но встревоженный разум вдруг ощутил посторонние звуки – вкрадчивую поступь злодея. Взять с меня нечего, зато можно запросто получить по мордам. Я это не люблю, но, если попросят... Дверь в тамбур открыта, и он уже рядом, у туалета, остановился у моей полки, наклонился. Его руки профессионально, едва касаясь, ощупывают мои брюки, пробираются к карманам – там последние три рубля на лужский автобус. Я собран, напряжен, готов. Надо только поймать момент.

– Ручонки! – Я ястребом взвился над полкой и в полете зарядил с левой ноги в предполагаемую омерзительную харю.

И женский крик:

– А-а-ах! – такой плачущий женский крик...

Господи, за грехи мои! Вскочил тотчас, дрожащими руками зажег спичку, подсветил. На грязном полу сидела поверженная мной бабуля и, закрыв руками лицо, горько плакала. Растерянный, упал перед ней на колени, глажу по голове.

– Бабушка! Что ж ты, старая, к спящему человеку лезешь? Ба-буш-ка... Что случилось? Почему ты здесь?

Сходила старушка в туалет... Не один я был в этом вагоне. Посокрушались, успокоились, разошлись. К счастью, я хоть и взмыл «ястребом», да удар воробьиным оказался.

Смыкаются глаза, засыпаю. Не проспать бы Лугу. Из Питера билет на новгородский автобус стоит на рубль дороже – не по карману.

Через заиндевелую заснеженную площадку перешел в предпоследний вагон. Тепло, печурка пахнет горящим углем, мерцает огонь за неплотно закрытой дверцей. Прислонил задубевшие руки, греюсь. Отъехала дверь, выглянула сонная проводница и вопросительно взглянула на меня.

– Я из последнего вагона, мне в Луге выходить. Долго ехать?

– Час.

– Я здесь постою?

Дверь захлопнулась.

Стоя за спиной проводницы, я уже видел знакомые очертания лужского вокзала, занесенный снегом безлюдный перрон и служителя дороги, истуканом стоявшего под одинаковыми во всем Союзе вокзальными часами. Время здесь остановилось в одиннадцать тридцать три какого-то числа, месяца... какого-то года. Спрыгнув с подножки, я окинул взглядом состав – других желающих посетить это богоугодное место не было. Пара милицейских сержантов напряженно вглядывалась в перрон сквозь заиндедевшее окно зала ожидания. Завидев меня, они оживились, задвигались – клиент пошел!

Я выпрямил спину, расправил плечи и, надвинув кепку на глаза, вошел в зал. Слева, дружелюбно постукивая дубинками по ладоням, ко мне двигались менты, справа на деревянной эмпээсовской скамье раскинулись в расстрельных позах два мужика. Этих уже угомонили... Затылком ожидая окрика, я походкой уверенного в себе человека пересек зал и вышел в город. Не остановили, иначе побежал бы. Согнул спину, опустил плечи. Привокзальная площадь тоже была бела и пустынна, только такси с зеленым фонариком безнадежно ждало своего пассажира.

– Куда ехать, дорогой?

– Здесь мне ехать некуда. В Новгород.

– Ха! Хоть в Будапешт, садись!

– Нет денег, только крупные купюры.

– На нет и суда нет! – Окно машины быстро закрылось.

Согреваясь, я скачками подбежал к темному зданию автовокзала, без надежд подергал ручку входных дверей и задумался. Как там? «Испить чашу до дна...», «Дорогу осилит идущий...» До Новгорода ровно сто километров, автобус отправится через три часа. Догонит – подберет. За прошедшие неполные сутки я аккумуляировал в себе столько негатива и холода, что просто не мог стоять на месте. И ноги понесли.

Где-то рядом было раннее утро. Приземистый, одноэтажный городок просыпался: задымил трубами домов, зашумел моторами снегоуборочных машин, редкие прохожие потянулись к первой электричке на Питер. Русская провинция. Зимой заметенный снегом, летом – зеленый и сиреневый, этот городок как бы завис во времени. Все знакомо: дощатый сарай-пивная в сквере, забытая с лета бочка «Квас», такси с зеленым глазком и водитель, готовый везти тебя до Будапешта. Недаром давно остановились перронные часы.

Я здесь чужой, но эта площадь двух вокзалов имеет для меня мистическое значение. Пару раз в год, иногда чаще, я проезжаю это место транзитом с парохода домой и обратно. Именно в этой точке происходит реинкарнация моей души – переход из одной жизни в другую. Домой – уже осязаемое тепло, веющее оттуда, легкое помешательство, нетерпеливое ожидание. Даже представляю, как позвоню в дверь и мне откроют. Все, что позади, – забыто. Из дома – тоска. Иногда хочется развернуться. Завтра меня завертит парходная суета, и картина той, лучшей, жизни, станет тускнеть под легкими мазками повседневных забот. Гуще, гуще... И останутся память и ожидание. Но сейчас мне – домой.

Я перешел мост через одноименную с городом речку, миновал Заклинье и очутился на заметенном шоссе. Ни следа машин – хороший повод вернуться, но у меня есть время и добрая надежда на удачу. Шел, о чем-то думал. Если Калининград провожал меня сырой метелью, то здесь уже царила русская зима. Стих ветер, закончился снегопад, и открылось высокое, звездное, как в детстве, небо. Легкий морозец и тишина, только мои летние корочки скрипят свежим снегом. В движении я согрелся, открылось второе дыхание, но подложка вчерашних событий лежала в душе осадком. Развязка этой истории с пакетами была еще впереди: разборки в конторе, осуждения, объяснения, бумажечка в личное дело. Забыть.

Пятый километр шоссе Луга – Новгород. Светает.

С почином! Впереди еще девяносто пять. Монотонное, совсем не быстрое движение, но вперед. Десятый километр. Я взглянул на часы: семь тридцать, автобус вышел. Низкое холодное солнце не греет, не веселит, не радует. Что мне до зимних красот?..

Тринадцатый километр, дорожный щит «Новгородская область, Батецкий район». Я остановился, бросил в снег портфель. Все! Буду ждать здесь.

Автобус появился в восемь десять, водитель так внимательно смотрел на дорогу, что не заметил замерзшего одинокого путника с протянутой рукой. Редкие головы пассажиров мелькнули в окнах автобуса и вместе с ним исчезли в снежном вихре. Исчезла и добрая надежда. Не положено, у нас – порядок.

До Батецкой оставалось двадцать километров. Надо дойти, иначе к вечеру околею. Самое плохое в том, что я вчера позвонил домой и они будут ждать, а не дождавшись – волноваться. Наверное, от этой Батецкой в областной центр ходят автобусы. В лучах солнца искрился снег, ветви елей гнулись под его пушистыми шапками, белый заяц пробежал, а я шел-шел-шел.

Дорога покатила маленькими горками, и я вместе с ней – вверх-вниз, вверх-вниз. Осилев очередную, ноги быстрее понесли под уклон, стало легче дышать. Вдруг за спиной тишину прорвал треск мотора. Я вздрогнул и обернулся. На пригорке выпрыгнул синий трактор «Беларусь». Он замедлился, почти остановился, вытаскивая наверх высоко груженный прицеп с дровами. Вытащил и ринулся на спуск. Я посторонился – это был не мой транспорт. Худолицый тракторист кидал машину из стороны в сторону и радостно скалился, дескать, знай наших! Русская удаль мне известна – сам такой. Я настороженно сдвинулся к кромке дороги, готовый в любой момент сигануть в кювет. На прицепе заседала тоже не грустная компания: пять лихих мужиков, смеясь и балагурия, что-то передавали из рук в руки и громко праздновали этот солнечный зимний день, поездку в лес и вообще...

Обдав меня снежной пылью и дымом, кавалькада пролетела мимо и вдруг, на глазах начала распадаться. Дышло прицепа, как колодезный журавль, взмыло в небо, а трактор, освободившись от поклажи, помчался под уклон и через сотню метров остановился. Зато прицеп, лишившись тягла, останавливаться не собирался. Он взбрыкнул, сделал стойку на двух задних колесах и, на пробу, стрельнув парой бревен, помчался за трактором.

Сюжет раскручивался стремительно и непредсказуемо, я остановился как вкопанный. Дышло упало, воткнулось в дорогу и, взрывая вихрь ледяной крошки, притормозило прицеп, и затем опять взлетело. Воз ошетилился бревнами, заколыхался и начал разваливаться. Мужики, как встревоженные тараканы, заползали по зыбкой тверди. Первым пошел бровастый, с квадратной челюстью, похожий на недавно усопшего лидера. В строгом, застегнутом под самое горло пальто с серым мерлушковым воротником и такой же папахе-москвичке, он летел верхом на березовой жердине и дискантом кричал: – Ку-зя-я-я-я-я-я-я-я!

Красномордый Кузя в полированной фуфайке и стеганых штанах, раскинув руки-крылья, парил следом. Последними снялись с гнезда трое безликих в драных солдатских бушлатах. Они тесной стаей вперемешку с бревнами пролетели над шоссе и скрылись в

сугробах. Прицеп, стравивая с себя остатки дров, в последний раз закозлил и ринулся на приступ к трактору.

«Это п..дец!» – наверное, подумал тракторист и на форсаже рванул с места. Ему пришлось одновременно решать две невыполнимые задачи: сзади уворачиваться от взбесившегося прицепа, а спереди – держаться дороги. Он почти справился: возок дважды пинал трактор и водила держал удары на вираже, но третий, последний, стал роковым. Без руля и ветрил стальная машина крутанулась на шоссе, боком завалилась в канаву и заглохла. Удовлетворенный прицеп на всех четырех величаво съехал в противоположный кювет. И звенящая тишина...

Этот катаклизм занял во времени не более трех минут, а в пространстве – две сотни метров. С криком «Все живы?!» я ринулся на помощь.

Вопрос для русского человека странный – конечно, все были живы. Укротители прицепа, как куропатки, выворачивались из снега и выползали на дорогу, а снизу от трактора бежал тракторист. Все были возбуждены, но не испуганы. Бровастый присел на бревно и, сняв с ноги белую бурку, стал вытряхивать снег.

– Съездил, бля, на пикничок... Кузя, ищи! Там должно быть две бутылки.

Кузя, молодой, добродушного вида крепкий парень, опять полез в сугроб. Подбежал тракторист с обрывками проволоки в руке.

– Кузьма, стой! Ты вот этим крепишь прицеп?!

– Так шкворень был в снегу потерявши!

Парень улыбался, шаря в снегу голыми руками. На его голову посыпались такие выражения, каких я и на пароходах-то никогда не слышал.

Чрезвычайные происшествия притягивают – подъехал газик-самосвал, остановился.

– Куда едешь?

– В Батецкую.

– Возьми одного, автокран нужно пригнать.

– Поехали.

– Я поеду! – Бровастый встал с бревна – А вы, работнички, собирайте дрова в кучу.

Газик был моей последней надеждой. Я робко спросил шофера:

– А можно и мне? Я в Новгород никак не доберусь.

– Забирайся. Как-нибудь влезем!

В тесной и теплой кабине газика, притиснутый к плечу водителя, я сразу задремал. Сквозь полусон до меня долетали обрывки фраз: банно-прачечный комбинат... я начальник... завтра баня... детсад не топят... дров нет...

Потом было мучительное ожидание автобуса, семьдесят километров заснеженной дороги, огни улиц родного города. Я остановился у подъезда и, глядя в залитые теплым светом родные окна, первый раз свободно вздохнул. А были ли испытания?

Легкая тень в окне, чуть сдвинулась штора, и мы молча смотрим друг на друга. Целую вечность... У меня на щеке тает снежинка и теплой соленой каплей скатывается в уголок губ.

А через две недели, по возвращении в Светлый, прямо на пароходе я был судим выездным товарищеским судом и оштрафован на десять рублей. Общественным обвинителем выступал старпом Притуло, а защитниками – вся ремонтная команда. Не помогло – преступник получил по заслугам. После приговора я отправился отсыпаться, а Притуло ринулся в город продавать остатки нереализованных пакетов.